

А. Вербицкая

Ключи счастья

Книга 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. Вербицкая**
Ключи счастья: Книга 4 / А. Вербицкая – М.: Книга по Требованию, 2017. –
236 с.

ISBN 978-5-517-98549-1

ISBN 978-5-517-98549-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017
© А. Вербицкая, 2017

А. ВЕРБИЦКАЯ.

КЛЮЧИ СЧАСТЬЯ.

НА ВЫСОТЪ.

ШЕСТНАДЦАТАЯ ТЫСЯЧА.

РОМАНЪ

ВЪ ПЯТИ ЧАСТЯХЪ

МОСКВА—1912.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., с. д.
Москва—1912.

Я узналъ, какъ ловить уходящія тѣни,
Уходящія тѣни потускнѣвшаго дня.
И все выше я шель. И дрожали ступени,
И дрожали ступени подъ ногой у меня...

Бальмонтъ.

I.

Каждый день, въ семь часовъ вечера, Маня выходитъ изъ трамвая, соединяющаго предмѣстье, гдѣ она живетъ, съ Парижемъ. Торопливо идетъ она по линіи бульваровъ на урокъ къ Изѣ Хименесъ.

Огненными линіями въ туманъ и сумерки огромнаго города врываются нарядные бульвары съ оголенными платанами, съ сіяющими окнами безчисленныхъ кафе, съ суетливой, праздной и жизнерадостной толпой.

Бѣгутъ отовсюду, сливаясь въ страстномъ стремленіи къ отдыху и радости, цѣлыя волны рабочаго люда. Улицы черны отъ мужскихъ пальто. Привѣтливо улыбаясь навстрѣчу хищнымъ взглядамъ фланеровъ, граціозной походкой идутъ модистки, прикаачицы, бѣлошвейки, барышни-манекены. Онѣ одѣты скромно, но со вкусомъ. Блѣдныя губы жадно ловятъ воздухъ, котораго не достааетъ имъ цѣлый день въ магазинахъ и мастерскихъ, отравленныхъ газомъ и дыханіемъ толпы. Глаза искрятся... Онѣ ждуть... Чего? Случая, счастья... Кто знаетъ?.. Можетъ быть, сейчасъ, за этимъ поворотомъ, это счастье встрѣтитъ ихъ? Не одна только чувственность сблизитъ двухъ людей, жаждущихъ забвенія?.. Кто поручится, что не свершится чудо, и что изъ этихъ объятій не родится Любовь?.. Та, о которой грезятъ всѣ женщины, отъ королевы до судомойки, и безъ которой жизнь не имѣетъ цѣны?

И всё эти грубыя желанія и вѣжныя грезы, эта страстная жажда отдыха и радости создаютъ какую-то насыщенную электричествомъ знойную атмосферу, опьяняющую нервы, бьющую какъ вино въ самыя крѣпкія головы... Въ сложной, кипучей и напряженной жизни громаднаго города,—это какой-то алый часъ...

Маня быстро идетъ среди этого огня перекрестныхъ взглядовъ и улыбокъ, одинаково чуждая наивнымъ мечтаніямъ однихъ и жаднымъ желаніямъ другихъ, равнодушная къ любопытству и восхищенію.

Вонь вдали домъ, гдѣ живётъ Иза. Маня замедляетъ шаги. У подъѣзда она останавливается и смотритъ вверхъ... Небо озарено словно пожаромъ. Ни одной звѣзды. Гуль кипучей жизни остался позади, на линіи бульваровъ. Здѣсь, въ переулкѣ, тихо... И въ этой тишинѣ еще отчетливѣе доносится до нея громкое дыханіе страшнаго звѣря... Толпы.

И сердце Мани даетъ толчокъ. Вызовъ загорается въ груди...

Кто осилитъ въ этомъ поединкѣ? Сумѣетъ-ли она укротить звѣря? Сможетъ ли она побѣдить Жизнь и самую грозную изъ ея силъ—Любовь?.. Или тяжелое колесо проѣдетъ по ея повергнутой душѣ, губя ее, какъ тысячи другихъ?

„Увидимъ... Увидимъ! Уже скоро...“

Ей отворяетъ дверь негритянка, безобразная Мими.

Маня любитъ ея добрую улыбку, оскаль ея сіяющихъ зубовъ. Она похожа на животное, эта непосредственная дикарка съ ея загадочной моралью, съ ея таинственной для культурнаго челоука душой.

Два спаньѣля съ бѣлой шелковистой шерстью лаютъ звонко и оглушительно. Какаду сердито кричитъ что-то по-испански.

Маня идетъ въ салонъ съ золотистой мебелью, пыльными вѣнками и зеркальными стѣнами. Спаньѣли трутся у ея ногъ. Какаду киваетъ ей бѣлымъ хохломъ и привѣтливо воркуетъ..

Входитъ Иза.

Эта женщина нравится Манѣ. Вся она похожа на восточную сказку. На мизинцѣ у нея дивный рубинъ, который кажется каплей крови днемъ, а вечеромъ горитъ какъ раскаленный уголь. Огромныя кольца-серьги качаются при каждомъ ея движеніи. Звенятъ браслеты на смуглыхъ рукахъ... Но ярче золота и камней кажется Манѣ ея улыбка и блескъ ея черныхъ глазъ.

По праздникамъ Маркъ пріѣзжаетъ въ автомобилѣ за объѣмами женщинами и Ниночкой. Онъ увозитъ ихъ всѣхъ къ себѣ на цѣлый день. Всѣ трое любятъ эти часы. Отель его такъ красивъ... Обѣдъ такъ вкусенъ. „Пиръ Лукулла“, смѣются гости, наголодавшись за недѣлю. Мясо онѣ рѣдко ѣдятъ теперь. Только овощи... Одна Ниночка не знаетъ лишениій... Но Маркъ не долженъ объ этомъ догадываться... Именно онѣ—никогда!..

Шумомъ и смѣхомъ наполняется старый, дремлющій особнякъ. И тѣни былого просыпаются, прислушиваются съ изумленіемъ къ звукамъ чуждой жизни. И тихо выходятъ изъ своихъ угловъ.

Это было буквально такъ въ одно прекрасное и теплое ноябрьское утро. Онѣ только что пріѣхали и внизу, въ столовой, снимали шляпы передъ старыми, тусклыми зеркалами XVIII столѣтія. Ниночка звонко смѣялась, сидя на полу. Она вцѣпилась въ сень-бернара, который обнюхивалъ ея личико и размашисто вилялъ хвостомъ. Блѣдное солнце заливало палисадникъ и заглохшій фонтанъ.

Вдругъ Ниночка закричала, и всѣ оглянулись.

Въ дверяхъ гостиной стоялъ призракъ Штейнбаха... Высокая фигура съ согнувшимися плечами не двигалась. Съдые волосы изъ подъ черной шапочки выбились на лобъ. Таинственные глаза безъ дна и блеска глядѣли въ лица живыхъ страннѣмъ, далекимъ и враждебнымъ взглядомъ.

Вдругъ этотъ взглядъ упалъ на Ниночку, и дрогнуло блѣдное лицо. Въ ту же минуту вошелъ запоздавшій Штейнбахъ.

— Ниночка, мой ангелъ... Почему она плачетъ?

Онѣ схватилъ дѣвочку на руки. Она дрожала и прятала личико на его груди. Штейнбахъ оглянулся и понялъ...

— Дядя, войди!.. Не бойся... Это мои друзья... Фрау Кеслеръ, это единственный близкій мнѣ человекъ. Онѣ вчера только вернулся изъ Россіи съ Андреемъ. Мы будемъ жить вмѣстѣ...

Призракъ медленно покачалъ головой и отступилъ съ порога... Но его темный взглядъ остановился на лицѣ Мани. И словно холодомъ дунуль въ ея сердце...

Онѣ скрылся...

— Почему ты такъ блѣдна? — спросилъ Штейнбахъ.— Неужели боишься?

Она молчала.

— Теперь ты разлюбишь этотъ домъ, Маничка?

— Нѣтъ, нѣтъ, Маркъ... Мнѣ вспомнилось... Пустяки!.. Давай обѣдать скорѣе...

Онъ входилъ всегда неожиданно и безшумно въ комнату, гдѣ звенѣлъ смѣхъ Ниночки. И глядѣлъ на нее молча... Его какъ будто влекла къ себѣ эта молодая жизнь, похожая на лепечущую березку. Сначала ничего кромѣ безграничнаго удивленія не выражалъ этотъ далекій взоръ... Мысль, заблудившаяся въ таинственныхъ поляхъ Безсознательнаго, какъ будто искала дорогу ощупью въ сумеркахъ.

Насталъ день, когда Маня увидала жгучую скорбь въ этомъ взглядѣ. Онъ долго смотрѣлъ на ребенка... Закрывъ лицо руками, онъ вдругъ застоналъ. И вышелъ, беззвучный и непонятный, оставивъ въ комнатѣ струйку холода, бросивъ на всѣ лица тѣнь тайны.

И вотъ одинъ разъ словно улыбка прошла по восковому лицу. Тоска не исчезла, но смягчилась. Онъ взглянулъ на Маню. И всѣ съ удивленіемъ разслыхали: „Сарра...“

Онъ опять ушелъ. Но на порогѣ оглянулся на Маню.

Словно позвалъ...

— Какая Сарра? — спросила фрау Кеслеръ. Она говорила шопотомъ, хотя всѣ видѣли, какъ старикъ прошелъ подъ окнами, мимо фонтана, опираясь на палку. И исчезъ на мшистыхъ дорожкахъ сада, гдѣ умирали опавшіе листья.

— Онъ вспомнилъ свою погибшую дочь.

— Развѣ я похожа на нее, Маркъ? — спросила Маня. И глаза у нея были большіе и тревожные.

— Н-не знаю. Трудно разобраться во мракѣ больной дѣши...

Понемногу всѣ свыклись съ этой жуткой фигурой. Даже Нина не пугалась черныхъ глазъ, изъ сада въ окно слѣдившихъ за нею, когда она ползала на коврѣ...

Манѣ было жаль, что страхъ ея исчезаетъ и смѣняется со-страданіемъ къ одинокому безумцу. Однимъ сказочнымъ элементомъ въ жизни меньше...

И все-таки она никогда не могла отдѣлаться отъ тоски и тревоги, когда черные таинственные глаза останавливались на ея лицѣ... Что онъ думаетъ?.. Что онъ предчувствуетъ? Что онъ знаетъ?.. Почему волнуешь ее тайна этой души... мракъ этихъ глазъ?..

II.

Рядомъ съ желтымъ салономъ Изы Хименесъ находится классъ. Это пустая комната съ зеркальной стѣной, безъ ковра и мебели, съ однимъ піанно. А за нею уборная. Стѣны ея увѣшаны газовыми голубыми юбочками и трико тѣлеснаго цвѣта. Подъ каждой на гвоздѣ номерокъ. Это традиціонный балетный костюмъ, съ открытымъ плоскимъ лифомъ; костюмъ, обнажающій ученицу. Учитель долженъ съ одного взгляда видѣть всѣ контуры и всѣ изгибы тѣла: ногу, начиная отъ бедра, колѣни, ступню, руки, плечи... Здѣсь нѣтъ мелочей. Важно каждое движеніе мускуловъ, каждое напряженіе мышцы. Все должно быть естественнымъ, все должно казаться легкимъ. Въ этомъ грація и красота танца.

Классомъ балетной гимнастики, то-есть самыми трудными первыми шагами, начиная съ „позицій“, столь же скучными, но необходимыми, какъ гаммы для піаниста и вокализы для пѣвца, руководить m-me Frédau. Это отставная балерина, сухая и юркая, въ рыжемъ парикѣ, но безъ всякаго „макильжа“ на увядшемъ лицѣ. Она тоже переодѣвается въ короткое, немного ниже колѣнъ шерстяное платье. Если смотрѣть только на ея фигуру и стройныя, изящно обутыя ножки, ее можно принять за дѣвушку.

Маня быстро и легко справляется со всѣми трудностями первыхъ шаговъ, почти непреодолимыхъ для многихъ взрослыхъ... „У нея уже сейчасъ есть пальцы...“ съ удивленіемъ говоритъ на балетномъ языкѣ Иза своей помощницѣ. Это значить, что Маня можетъ свободно стоять на носкѣ. Изъ сорока ученицъ школы у нея одной этотъ даръ, такой же рѣдкій, какъ поставленный отъ природы голосъ у пѣвца. Многія ученицы

тяготея этой балетной гимнастикой. Но для Мани важно все... Она видит теперь, какое трудное искусство—танец... Когда на спенѣ балерина скользит легкой тѣнью, еле касаясь пола, непосвященные не подозрѣваютъ, сколькихъ трудовъ стоила эта легкость, сколькихъ мученій стоила эта грація!.. И за стереотипной улыбкой сколько скрыто слезъ и сомнѣній въ себѣ!.. Здѣсь мало таланта. Нужны годы терпѣнія, упорства и черной невидной работы.

При этомъ Маня удивительно пластична отъ природы. Она точно инстинктомъ угадываетъ всѣ основныя движенія танца. *Оппозиція*, не дающаяся неуклюжимъ американкамъ и вульгарнымъ еврейкамъ, то-есть движеніе рукъ, обратное движенію ногъ, самое важное въ искусствѣ танца—достигается Маней шутя. Надобно видѣть ее, когда она стоитъ на носкѣ, вся стремясь впередъ въ граціозной *арабескѣ*, вотъ-вотъ готовая оторваться отъ земли и полетѣть... Или когда въ гордой *attitude*, поднявъ руки вверхъ, она стремится ввысь, вся—застывшее движеніе...

Чувствуется, что танецъ ея стихія. Что для нея въ этой сферѣ нѣтъ ничего недостижимаго.

За полгода она настолько освоивается съ сложными движеніями, изъ которыхъ комбинируются танцы, со всѣми этими *jeté, glissé, chassé, balancé, pirouette* и т. д., что Иза разрѣшаетъ ей заниматься этимъ только дома. Маня работаетъ часа по четыре, иногда до изнеможенія.

— Ты кончишь тѣмъ, что наживешь болѣзнь сердца,—говоритъ фрау Кеслеръ, когда Маня, вся блѣдная, падаетъ на постель.—Чего ради такъ убиваться?

— Хочу быть артисткой, а не диллетанткой... Это не дастъ мнѣ удовольвенія...

— А Дунканъ? А Иза?.. Чему онѣ учились?

— Дунканъ—геніальна, а Иза громадный талантъ. Но она мнѣ признавалась... Она всегда жалѣла о томъ, что съ дѣтства не прошла классической французской школы... А помнишь, какъ Дунканъ выворачиваетъ руки? Глядѣть на нее страшно! Это нарушаетъ законы пластики. То, надъ чѣмъ я бьюсь, Агата, это базисъ всего... Нельзя стать піанистомъ, не изучивъ гармоніи, или написать оперу, не зная контрапункта... Такъ и

здѣсь... Вотъ я недавно отъ Марка услышала, что всѣ эти трудности, надъ которыми мы бьемся, были знакомы танцовщицамъ еще въ Греціи...

— Да быть не можетъ!

— Есть цѣлое изслѣдованіе объ этомъ... Чего же ты удивляешься, Агата? Если для такого ремесла, какъ проституція, на Востокъ готовились съ семилѣтняго возраста и проходили цѣлую школу, неужели такое искусство какъ танецъ, требовало меньше знанія и труда?

Изъ сорока ученицъ у Изы больше половины взрослыхъ. Всѣ онѣ пріѣзжаютъ въ своихъ автомобиляхъ или въ собственныхъ экипажахъ. Бѣдныхъ, какъ Маня, очень немного. Всѣ ученицы разбились на строго обособленныя касты. Дочери банкировъ не дружатъ съ дѣтьми артистовъ. Французскія и русскія аристократки надменно сторонятся отъ сближенія съ „мѣщанками“ Американки выдѣляются эксцентричностью туалета, вульгарностью манеръ, громкимъ, вызывающимъ смѣхомъ. Ихъ тщеславіе, ихъ ненасытная жажда новизны и зрительныхъ впечатлѣній глубоко возмущаютъ Маню... Онѣ только и болтаютъ о спортѣ, о скачкахъ, о выѣздахъ... Самыми симпатичными оказываются все-таки еврейки. Ихъ тщеславіе и мѣщанство умѣряется ихъ добродушіемъ, ихъ интересомъ къ искусству.

Богатыя дѣвушки въ кружевахъ и шелку, переодѣваясь въ уборной, щеголяютъ другъ передъ другомъ роскошью нижнихъ юбокъ и бѣлья. Маня подмѣчаетъ усмѣшки, съ которыми онѣ оглядываютъ ея скромный костюмъ... Но Маня держится какъ принцесса.

Отношеніе къ ней мѣняется внезапно черезъ какой-нибудь мѣсяць...

Штейнбахъ заѣхалъ за нею въ своемъ автомобилѣ. Его сразу узнаютъ... Всѣ видятъ, какъ онъ смиренно ждетъ Маню на лѣстницѣ, и какой гнѣвный взоръ кидаетъ она ему, отказываясь ѣхать... На улицѣ она говоритъ съ нимъ рѣзко и гордо...

Французскія еврейки, знающія по-русски, божатся потомъ, что они говорили на *ты*...

Маня такъ и не поѣхала съ Штейнбахомъ и пошла пѣшкомъ къ трамваю... „Какова?!“

Когда на другой день Маня входитъ въ уборную, всѣ смолкаютъ и глядятъ на нее большими глазами. Почему у нея нѣтъ брилліантовъ? Почему она одѣвается такъ просто?.. Зачѣмъ она живетъ въ предмѣстьи, а не въ отелѣ Штейнбаха?.. Вѣдь она несомнѣнно его любовница...

— Невѣста его, — таинственно сообщаетъ m-me Фредо... И ропотъ удивленія встрѣчаетъ эту вѣсть...

Теперь Маня могла бы ходить въ разорванной юбкѣ и дырявыхъ башмакахъ... Ей простили бы все...

У Изы есть также ученики, человѣкъ десять, не болѣе. Это рослые американцы, одни—красивые и бѣлокурные; другіе, похожіе на мясниковъ, съ широко развитыми челюстями и красными квадратными лицами. Есть и сухенькіе, юркіе французы... Маня не замѣчаетъ флирта между ними и ученицами. Напротивъ... Скорѣе какая-то профессиональная зависть и соперничество проскальзываютъ въ отношеніяхъ, ничуть не смягчая нравовъ. Всѣ слѣдятъ другъ за другомъ насмѣшливыми глазами и не прощаютъ промаховъ.

— Приходите завтра вечеромъ, — говоритъ Иза Манѣ. — У меня классъ пантомимы, и вы увидите Нильса...

А!.. Это имя у всѣхъ на устахъ. О немъ никто не говоритъ равнодушно. Маня заинтересована.

— Только сердце свое берегите! — смѣется креолка, качая головой и грозя пальцемъ. И серьги ея тоже качаются, а браслеты звенятъ.

На другой день, ровно въ шесть, Маня подымается по лѣстницѣ. Еще за дверью она слышитъ задорные звуки *fandango*. „Неужели опоздала?.. Ахъ, что за музыка!..“

Она быстро раздѣвается въ передней. Сухое, страстное трещанье кастаньетъ словно манитъ ее.

„О, какіе знойные звуки!.. Прямо жгутъ...“

Она пробирается черезъ толпу ученицъ, стоящую у входа въ классъ.